

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Луговской А.В., Пышненко О.А. Дальневосточная инсулярность в свете теории фронта // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74502 EDN: LKOUON URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74502

Дальневосточная инсулярность в свете теории фронта

Луговской Александр Витальевич

ORCID: 0000-0003-1846-4316

кандидат филологических наук

доцент; высшая школа европейской лингвистики и межкультурной коммуникации; Тихоокеанский государственный университет

680042, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, каб. 320

✉ lugovskoy_2004@mail.ru

Пышненко Ольга Алексеевна

ассистент; высшая школа европейской лингвистики и межкультурной коммуникации; Тихоокеанский государственный университет

680042, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, каб. 353

✉ 013268@togudv.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74502

EDN:

LKOUON

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Аннотация: Цель исследования – определить специфику инсулярности как концептуальной категории в свете теории дальневосточного фронта. Объектом исследования выступает инсулярность как сложная концептуальная категория, определяющая структурно-содержательные характеристики дальневосточного фронта. Предмет исследования составило концептуальное содержание инсулярности, в котором отражены признаки дальневосточной фронтности. На материале историографических источников отечественных и зарубежных авторов (А. И. Крушанов, М. С. Высоков, Г. Ф.

Миллер, Ж. Ф. Лаперуз, Т. Моррис-Сузуки) были проанализированы характеристики инсулярности в диахроническом и синхроническом представлении. Был проведен историко-генетический анализ в отношении освоения островных территорий Дальнего Востока, в частности, о. Сахалина и Курильских островов, определены исторические предпосылки географической и культурной неоднородности островов, проявляющиеся, в частности, в вариативных репрезентациях данных островов в языковых картинах мира различных этносов. При помощи концептуального анализа произведения «On the Frontiers of History» Т. Моррис-Сузуки стало возможным выделить признаки дальневосточной фронтирности и определить сущностные характеристики дальневосточной инсулярности, среди которых были выделены мультикультурализм и многоязычие, подвижность границ, наличие множественности номинаций, особое чувство идентичности, наличие цивилизационного раздела и др. Новизна исследования определяется тем, что проведенный анализ позволил описать инсулярность в многоаспектности ее географического, культурного и политического содержания. В результате проведенной работы были сделаны ценные выводы о том, что предпосылкой для формирования дальневосточной инсулярности является географический фактор, который предопределяет социально-культурное и политическое наполнение термина. Дальневосточная инсулярность представляет собой особый тип идентичности, слагаемый из отдельно взятых инсулярных сообществ, которые объединены территориально. Важным представляется и вывод об амбивалентности инсулярности в структуре дальневосточного фронта, определяющей разнополярность аксиологического содержания категории, включающего как положительные, так и отрицательные признаки. Исследование позволило сделать вывод о том, что инсулярность является имманентной характеристикой дальневосточного фронта, образуя его концептуальное основание.

Ключевые слова:

инсулярность, дальневосточный фронт, концептуальная категория, пространство, вербализация, когнитивные признаки, амбивалентность, инсулоним, картина мира, граница

Публикация подготовлена в рамках научного проекта «Лингвокультурные особенности дальневосточной инсулярности (на материале лингво-этнографического исследования о. Сахалин)» при поддержке Тихоокеанского государственного университета, грант 6.24–ТОГУ.

Введение

Проблема соотношения географического пространства и его отражения в литературе является одним из актуальных вопросов гуманитаристики на современном этапе ее развития. Междисциплинарный характер исследований, ведущихся в данном направлении, получил свое название – гуманитарная география, или область исследования, занимающаяся тем, «как конкретное географическое пространство отображается в нематериальных конструктах – в художественных образах, сложившихся пространственных стереотипах, в местной идентичности <...>» [\[1, с. 9\]](#). Особенность русского пространства состоит в том, что оно, согласно Д. Н. Замятину, «повсеместно находится, пребывает в стадии перманентного освоения», потому представляется как «пространство перехода и как лиминальное, пограничное, фронтирное пространство» [\[2,](#)

[с. 161](#).

Изучение дальневосточного фронта как особого типа географического, политического и культурного формирования может представлять особый интерес для гуманитарной науки, так как данная территория, находящаяся на российском пограничье и являющаяся центром взаимодействия различных этносов, культур и дискурсивных практик, с давних времен привлекала исследователей различных областей. Уникальность территории, ее пограничный характер и особый тип хозяйственных и культурных отношений позволяет вести речь о ее инсультарном статусе, или определенном «островном эффекте», при котором географическое пространство отграничено физически или концептуально и вырабатывает особый тип ментальности, формирующий отношение к себе и к окружающей действительности. Учитывая и наличие реальных островов, входящих в дальневосточный регион и сыгравших значительную историческую роль в формировании дальневосточной фронтальности, можно вести речь о центральном положении инсультарности в дальневосточном фронте. Подобное понимание определило актуальность настоящего исследования, обусловленную необходимостью изучить лингвокогнитивные и лингвокультурные основания дальневосточной инсультарности в свете теории фронта.

Объектом настоящего исследования является инсультарность как сложная концептуальная категория, определяющая структурно-содержательные характеристики дальневосточного фронта.

Предмет составляет концептуальное наполнение инсультарности, отражающей признаки дальневосточной фронтальности.

В качестве материалов исследования были использованы историографические источники отечественных (А. И. Крушанов, М. С. Высоков и др.) и зарубежных (Г. Ф. Миллер, Ж. Ф. Лаперуз и др.) авторов. Более детально анализируется книга австралийского автора Тессы Моррис-Сузуки «On the Frontiers of History: Rethinking East Asian Borders». Данная работа рассматривает отношение разных народов и культур территорий Восточной Азии, в частности России и Японии, к границам между государствами и территориями с точки зрения исторической ретроспективы, а также понимание фронта в их картинах мира.

Для достижения обозначенной выше цели были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть понятия «фронт» и «дальневосточный фронт»;
2. Изучить специфику развития островных территорий Дальнего Востока России;
3. Определить основные признаки «дальневосточной фронтальности»;
4. Описать содержание понятие «инсультарность» в многоаспектности его трактовки.

Для решения поставленных задач в работе применялись следующие методы исследования: историко-генетический метод, метод сплошной выборки, концептуальный анализ, интерпретативный анализ.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов по гуманитарной географии (И. И. Митин, Д. Н. Замятин), по фронту и дальневосточному фронту (Ф. Д. Тёрнер, Л. Н. Синельникова, И. П. Басалаева, А. А. Забияко, И. Л. Иванова, О. Н. Александрова-Осокина).

Концептуальные основания фронтирности. Дальневосточный фронтир

Понятие фронта было введено в гуманитаристику Ф. Д. Тёрнером и связано с процессом освоения североамериканского континента с востока на запад. Согласно американскому исследователю, фронтир представляет собой границу между освоенными и неосвоенными землями, между цивилизацией и дикостью [\[3\]](#).

В настоящее время термин «фронтир» получил распространение в гуманитарной науке и рассматривается в его соотношении с такими понятиями, как «край», «окраина», «рубеж», «порубежье», «пограничная область» и др. Как отмечает Л. Н. Синельникова, «фронтир как классическое американское понятие (расширение и освоение территорий) на российской почве получил многовекторное развитие и превратился в междисциплинарный концепт, вобравший представление об онтологии границы, граничности, пограничья» [\[4, с. 469\]](#).

Междисциплинарность теории фронта позволяет рассматривать данное понятие на стыке естественных и гуманитарных наук, увязывая в едином комплексе сложные взаимоотношения между географической и культурной средой, определяя проблемные области на шкале бинарной оппозиции «natura-cultura». При этом роль географического фактора не может быть преуменьшена: природно-климатические условия и территория фронтирной области создают предпосылки для формирования определенного типа социальных и хозяйственных отношений, структурно и содержательно усложненных за счет включения в полидискурсивность.

В отношении определения концептуального наполнения понятия «фронтир» И. П. Басалаевой осуществлена попытка представить и описать основные характеристики, слагающие содержание фронтирного концепта. К таковым относятся этнокультурная неоднородность групп, неравная численность групп, амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтирных групп, изначальная гендерная диспропорция, «окраинное» геополитическое расположение фронтирной территории, квазиграничность (наличие естественных границ, являющихся центром притяжения фронта), де-факто колониальный статус территории, рыхлость административно-управленческой структуры, более высокая степень горизонтальной и вертикальной мобильности населения и ряд других характеристик [\[5\]](#). Вероятнее всего, актуализации всех признаков происходит неравномерно и имеет скорее диахронический, чем синхронический характер.

Проблема дальневосточного фронта поднимается в работах таких исследователей, как А. А. Забияко, И. Л. Иванова, О. Н. Александрова-Осокина и др. Так, А. А. Забияко определяет понятие «дальневосточный фронтир» как контактную зону («порубежье») в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в которой «сформировались психологические, языковые и культурные границы совместимости этносов» [\[6, с. 11\]](#), в частности, русского, китайского, корейского, маньчжурского.

И. Л. Иванова подчеркивает особенность дальневосточного фронтирного сознания, характеризуемого представлением людей «как мобилизованных для решения государственных задач», а также открытостью к другим культурам [\[7, с. 259\]](#).

О. Н. Александрова-Осокина акцентирует внимание на художественной роли фронтирного пространства, выступающего в качестве «внелитературного источника», который оказывает влияние на построение художественного мира произведения [\[8\]](#). При таком понимании фронтир перестает осмысливаться только в сугубо географических или

политических терминах: физические пространства и территория становятся пространствами воображенными и отраженными, выступающими экспериментальными художественными площадками для отражения индивидуально-авторских художественных картин мира.

В этой связи целесообразно рассматривать фронтир в качестве компонента концептуальной категории инсулярности как языкового продукта освоения исследуемым лингвокультурным сообществом окружающей действительности. Исследование данного явления с точки зрения категоризации дает возможность установить роль социокультурных факторов в формировании языкового сознания представителей Восточной Азии, а также характер познания и восприятия окружающего мира, выраженный в языках данных народов.

Таким образом, понятие фронтаира имеет различные трактовки, отражающие те или иные аспекты (географический, политический, социальный, культурный, художественный) бытования данного термина и имеющие методологическую значимость в зависимости от исследовательского предмета.

История освоения дальневосточного фронтаира России (на материале историографических данных об освоении Сахалина и Курильских островов)

Исторически освоение Россией территорий на самом востоке страны, начавшееся еще в XVII в. и связанное с именами С. И. Дежнева, И. Ю. Москвитина, В. Я. Пояркова и других землепроходцев, играло большую геополитическую роль, так как позволяло стране заявить права на новые земли, осваивать ее богатства, подчинять местное население, что в совокупности укрепляло влияние страны и ее обороноспособность вдоль восточных границ. В первую очередь внимание первооткрывателей было направлено на покорение материковой суши, но острова никогда не выпадали из поля зрения путешественников.

Освоение северных островов страной – это особые страницы отечественной истории. В каком-то смысле сама география и природа инсулярных образований исторически содержат в себе определенный мистический и мифопоэтический потенциал: испокон веков люди стремились к островам, искали через них край света или райский уголок, наделяли их особыми статусами и выстраивали отношения, отличные от тех, которые возможны через освоение материковой суши.

Не явились исключениями северные и восточные острова России, занимающие особое место в «мистической географии» русских. Еще в 30-е гг. XVII в. русские люди впервые слышали от эвенков, что если двигаться «встреч солнцу», то можно добраться до «большого моря Ламу» [\[9, с. 71\]](#). Этим и воспользовались русские казаки под предводительством И. Ю. Москвитина, выйдя к морю в октябре 1639 года, а в 1640 году, пленив после боя местных ламутов (эвенов), узнали от тунгусского князька, что «направо, в летнюю (т. е. южную) сторону на море по островам живут тунгусы, гиляки сидячие, а у них медведи кормленные» [там же, с. 9]. Речь шла о Сахалине, который жители охотского побережья называли в то время островом Янкур. Снарядив в том же году экспедицию «на острова Гилятцкой орды», И. Ю. Москвитин с отрядом казаков вышел в море и достиг устья Амура, предположительно (согласно отдельным историкам) увидев и берег Сахалина. Несмотря на спорность данной теории, историки сходятся на том, что поход И. Ю. Москвитина положил начало освоению северо-востока Евразии.

Более подробные сведения о Сахалине были собраны в 1643–1645 гг. участниками экспедиции В. Д. Пояркова, наблюдавшими остров и собравшими с местного населения

ценные сведения.

Следующей вехой в исследовании восточных островных территорий можно назвать начало XVIII в., пробудившего очередную волну интереса к недоступным на тот момент островам Охотского моря. Из Сибирского приказа В. В. Атласова, русского землепроходца, узнаем: «против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть <...>» [Цит. по: 10, с. 92]. Через несколько лет, 17 марта 1710 г., комендантом Якутска В. И. Гагариным будет издан указ: «Стараться всеми мерами о проведывании островов, находящихся против устья Колымы-реки и земли Камчатки, какие на оных живут люди и под чьим владением, чем питаются, и сколь те острова велики и много ль морем от материка разстояния <...>» [Цит. по: 11, с. 30–31].

В период с 1711 г. по 1715 г. И. П. Козыревским были осуществлены несколько экспедиций, позволивших путешественнику собрать сведения о большинстве Курильских островов и японском острове Хоккайдо (в то время Матмай), отраженные в собрании его заметок «Чертеж морским островам».

Что касается Сахалина, примерно в то же время (1709 г.) его изучение было продолжено маньчжурской экспедицией, отправившейся по указу китайского императора Канси на Нижний Амур. На тот момент остров оставался неисследованным, что отражалось и в неясности его географических контуров, и даже в наименовании. О последнем участники экспедиции писали следующее: «Жители континента называют его по-разному, в зависимости от деревень, куда они обычно ездят, но общее название, которое ему подошло бы, – «Сагальен Анга Хата», остров в устье Черной реки <...> Название «Хюйе», данное ему некоторыми жителями Пекина, совершенно неизвестно континентальным татарам, а также островитянам» [Цит. по: 12, с. 289]. В результате маньчжурского проникновения на остров многие племена попали в зависимость от пришельцев и были вынуждены платить дань либо вести торговлю на невыгодных условиях.

Во второй половине XVIII в. на остров Сахалин обратили внимание японцы. В течение нескольких десятилетий им удалось не только систематически изучить остров, но и колонизировать его, организовав там рыболовные участки, торговые склады и основав на рубеже XVIII и XIX столетий сторожевые посты. Сами японцы называли остров Карафуто.

Параллельно азиатскому влиянию Сахалин вызывал интерес у двух европейских держав, для которых историческое соперничество на море было делом чести, – у Великобритании и Франции. Представителем первой нации явился У. Р. Броутон, исследовавший Курильские острова и Сахалин в 1796–1797 гг., но не сумевший достичь значительных успехов. Более того, в связи с особенностями климата и погоды английский мореплаватель не смог обнаружить проход между островом и материком, тем самым подпитав мнение о полуостровном положении Сахалина. Что касается французского мореплователя, Ж. Ф. Лаперуза, его экспедиция 1787 г. оказалась более успешной. Сумев высадиться на остров и войдя в контакт с местным населением, французы получили подробные сведения о Сегальене, как они называли Сахалин, и смогли более точно изобразить его на картах. Как писал Лаперуз в своих заметках, сделанных у мыса Крильон (название было дано самим путешественником и сохраняется поныне), «здесь обрывается один из самых протяженных с севера на юг островов мира, отделенный от Татарии проливом, который оканчивается песчаными отмелями <...>» [13, с. 315].

В первой половине XIX в. происходило усиление интереса к островам, находившимся в северной части Тихого океана, что объясняется историками несколькими причинами. Во-первых, это было обусловлено активизацией российской колонизационной политики на Дальнем Востоке, что проявлялось, в частности, в создании Российской–Американской кампании, организации кругосветных экспедиций и т. д. Второй причиной явилось намерение Российской Империи наладить политические и торговые связи с Японией, находившейся долгое время в самоизоляции от остального мира. В-третьих, отмечался и возросший интерес русского общества к самой тематике путешествий к незнакомым землям, навеянный различными публикациями о приключениях зарубежных мореплавателей, в частности, упомянутого выше Ж. Ф. Лаперуза [\[12, с. 27–28\]](#).

В 1803 г. к восточным берегам отправилась дипломатическая миссия, целью которой ставилось «открыть торг с Японией». К сожалению, японцы не приняли делегатов, после чего экспедиция отправилась на Сахалин и в течение весны и лета 1805 г. занималась исследованием острова и населявших его народностей.

Год спустя на Сахалин отправилась военная экспедиция Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова. По прибытии на остров русские моряки разорили японские магазины, сожгли постройки и провозгласили 8 октября 1806 г. Сахалин российским владением. Весной 1807 г. экспедиция продолжила свою разрушительную деятельность на Курильских островах, в результате чего Япония была на грани объявления войны России, но ограничилась возвращением на разграбленные территории и усилением своего военного присутствия на островах.

Дальнейшие исследования связаны с именами Г. И. Невельского, Н. К. Бошняка, Н. В. Рудановского, исследовавших остров и его окрестности в середине XIX в. и подтвердивших островное положение Сахалина и доступность Амура для морских судов. Подписанный в 1855 г. между Россией и Японией договор оставил Сахалин неразграниченным, что придавало острову неопределенный статус.

Дальнейшая история островов была связана с разделом политического влияния России и Японии в Тихоокеанском регионе и периодической «перекройкой» границ либо мирными (Санкт-Петербургский договор 1875 г.), либо военными путями (русско-японская война 1905 г. и оккупация южного Сахалина Японией). Лишь в результате разгрома милитаристской Японии в 1945 г. южная часть острова Сахалин, а также Курильские острова снова стали частью русской территории.

Таким образом, можно заключить, что остров Сахалин и Курильские острова исторически представляют собой особые фронтальные образования, местом географической и культурной неоднородности. Представляя собой пограничные территории между большим материком и водами Тихого океана, острова оказались на перекрестке культурных ландшафтов и национальных интересов различных держав. Частным проявлением фронтальности оказывается и употребление различных топонимических наименований (инсулонимов) для обозначения одного географического объекта: Сахалин, Карафуто, Сагальен Анга Хата, Хюйе, Сегальен, Янкур и проч.

Вербализация инсулярности в книге «On the Frontiers of History: Rethinking East Asian Borders»

В анализируемом произведении Т. Моррис-Сузуки дальневосточный фронт и инсулярность вербализованы следующими языковыми единицами: *Sakhalin* (183 словоупотребления), *Sakhalin Island/the Island of Sakhalin* (15 словоупотреблений),

Karafuto (73 словоупотребления), *Ezo-chi* (японское слово для обозначения территорий к северу от о. Хонсю, включая Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова, 5 словоупотреблений), *Tartary* (East ~, Asiatic~, Far Eastern ~) (4 словоупотребления), *East Asia* (53 словоупотребления), *Northeast Asia* (6 словоупотреблений), *Asia-Pacific* (2 словоупотребления), а также единожды употреблялись такие единицы, как *Far Eastern Russia*, *Pacific Rim*, *Pacific coast of Siberia*, *Pacific coast of Russia*.

Анализ работы позволил выделить ряд признаков дальневосточной фронтирности, вербализованных в тексте:

1 . Мультикультурализм и многоязычие. Автор отмечает, что Сахалин стал центром сложных взаимодействий между многочисленными культурными и языковыми группами: «<...> *the focus of complex interactions between multiple cultural and linguistic groups*<...> » [14, p. 169], а также подчеркивает наличие разных национальных общностей и языковых сообществ на Дальнем Востоке России, в частности, в Охотском регионе: «*it has been <...> home to many small societies and language groups*» [ibid., p. 72].

2 . Низкая плотность населения как следствие суровых климатических условий. Автор подчеркивает, что «природная среда с ее морозами и сезонными крайностями может удержать лишь немного людей, способных адаптироваться к суровым условиям»: «*This environment, with its bitter cold and extreme seasonal variations, sustains only a sparse population of people able to adjust to its rigours*» [ibid., p. 72].

3 . Создание межэтнических брачных союзов. Автор ссылается на польского ученого-этнографа Б. О. Пилсудского, политического ссыльнокаторжного на Сахалине, который писал, что 10% сахалинских айнов имели русские, японские, корейские и маньчжурские корни [ibid., p. 169].

4 . Разделенность между национальными и социальными группами как следствие проведения политических границ. Описывая усложнение либо прерывание торговых маршрутов между Японией и Россией, проложенных через Сахалин и Курильские острова, Т. Моррис-Сузуки отмечает физическую разделенность между семьями, торговыми партнерами и соседями, которые были «принудительно и безвозвратно отделены друг от друга»: «*Relatives, trading partners and former neighbours on either side of the border were involuntarily and irrevocably separated from one another <...>*» [ibid., p. 170].

5 . Подвижность границы. Автор замечает, что определение фронтирных границ Дальнего Востока может свидетельствовать о неоднородности и изменчивости фронтирности как на концептуальном, так и на политическом уровнях, отражая исторические процессы и роль «произвольных сил» (*arbitrary forces*): «*By observing the ways in which conceptual and political boundaries have been redrawn over time, we become aware of the sometimes arbitrary forces that determine how frontier lines are defined*» [ibid., p. 22].

6 . Использование фронта в качестве экспериментальной зоны. Согласно автору, фронтир является местом, в котором «национальные правительства реализуют или оспаривают географические пределы своей власти: «*The frontier is a place where national governments negotiate or contest the geographical limits of their power <...>*» [ibid., p. 163]. В случае с Сахалином подобным проявлением служило использование острова в качестве места ссылки каторжников, так детально описанным А. П. Чеховым в своем знаменитом произведении «Остров Сахалин».

7 . Установление физических границ между государствами. Как пишет автор, в связи с усилившейся конфронтацией между СССР и Японией в 1930-е гг. границы территорий в

том числе обозначались бетонными блоками и просеками: *«The frontier acquired a physical presence that cut through the everyday lives of the region's inhabitants. Wooden boundary-posts were replaced by concrete blocks; a cleared space, like a wide straight road, was gouged out of the forest <...>»* [Ibid., p. 170].

8 . Использование естественных географических границ как одновременно места разъединения, так и места контактов между разными народами и странами. В частности, таковой естественной границей на Дальнем Востоке является Охотское море, служившее амбивалентной цели разграничения и соединения различных общностей: *«Okhotsk is a sea that links as much as it separates human communities»* [Ibid., p. 76].

9. Наличие множественности номинаций фронтальных территорий. Ранее были приведены инсูลонимы для обозначения острова Сахалин в различных языках (русском, японском, французском и др.). В качестве другого примера можно привести Южные Курильские острова – предмет территориального спора между Россией и Японией. Отказ Японией в признании данной территорией российской проявляется в наименовании японцами этих островов, называемых «Северными территориями» (Хоррō Ryōdo) [Ibid., p. 139].

10 . Особое чувство идентичности населяющих фронтальную территорию людей. Проявлением такового может явиться концептуализация действительности на «Мы» и «другие» и построение бинарных оппозиций между своим (нашим) и чужим. В своей книге Т. Моррис-Сузуки в качестве примера приводит восприятие фронта (региона Эдзо) как чуждого, инакового региона [Ibid., p. 144]. Подобное можно объяснить инсультным расположением самой Японии и делением мира на «культурный центр» и «варварскую периферию», поэтому даже близлежащие территории и населяющие их племена наподобие хаято на юге Японии или айну на севере страны уже считались варварскими [\[15, с. 57\]](#).

11. Наличие цивилизационного раздела внутри фронта. В отношении Дальнего Востока это раздел между Европой и Азией. Как подчеркивает автор, граница между Японией и Россией – это точка схождения между Европой и Азией – «a point where Europe and Asia meet» [\[14, p. 140\]](#), что также может быть подтверждено исторически, в частности, событиями Второй мировой войны, завершившейся на Дальнем Востоке 2 сентября 1945 г. через подписание Японией Акта о капитуляции.

12. Мифологизация фронтальных пространств. С одной стороны, может идти речь о мифологизировании территории в аспекте отражения культурных представлений народности об определенном географическом регионе. Т. Моррис-Сузуки приводит интересный пример из японской культуры в отношении Эдзо: данная территория долгое время считалась населенной монстрами и злой магией. Автор упоминает записи, датированные XIV в., в которых территория называлась «тысячи островов Эдзо» (Ezo-ga-chishima) и была населена каннибалами, оборотнями и демоническими существами [Ibid., p. 144]. С другой стороны, речь может идти о современном мифологизме, в том числе политическом, связанным с распространением идеологием о принадлежности территорий и историческом праве на их владение.

Выделение указанных выше признаков фронтальности, представленных в исследуемой работе, свидетельствует о многозначности трактовки данного термина, а также о том, что инсультность занимает не периферийное, а центральное место в понятийном содержании концепта «дальневосточный фронт».

Прежде всего, это непосредственно связано с географией: Дальний Восток (в широком

понимании этого географического образования) включает в себя ряд островов, сыгравших значительную роль в социокультурном и политическом развитии данного региона. К таковым прежде всего относятся остров Сахалин, Курильские острова и островное государство Япония. Острова в определенном смысле оформляют фронтирные границы и, более того, могут даже сокращать их. В последнем случае примерами могут служить два острова – о. Ратманова (Большой Диомид, Россия) и о. Крузенштерна (Малый Диомид, США), расположенные в Беринговом проливе и разделенные примерно четырьмя километрами. При этом официальная длина русско-американской водной границы в Беринговом проливе составляет 49 км.

Во-вторых, инсулярность обеспечивается социально-культурным наполнением. Предопределенные географически, этнические и национальные общности исторически формировали специфичные типы идентичности, определяя свою «самость» как субъектов, помещенных в физический мир и в определенной степени «инсулированные», то есть отграниченные от него на физическом и концептуальном уровнях. В этом смысле Дальний Восток может представлять инсулированное образование, некий конгломерат, или более образно, архипелаг, состоящий из отдельно взятых инсулярных сообществ, объединенных территориально.

В-третьих, инсулярность предопределяется политически. С одной стороны, физические острова стали центром встречи политических сил различных держав, местом соприкосновения национальных интересов. Показательным в этом смысле становится существование таких исторических субъектов на территории российского Дальнего Востока, как ДВР – буферной республики, просуществовавшей в период 1920–1922 гг., или «Красного острова» – зоны большевистского сопротивления белогвардейцам с центром в г. Благовещенске. С другой стороны, весь дальневосточный регион стал местом цивилизационного разлома между морскими и континентальными державами (см. работы А. Т. Мэхэна и Х. Маккиндера), тем самым обнаружив различное восприятие пространства со стороны европейских, азиатских держав и России как особого промежуточного типа цивилизационного устройства.

В-четвертых, дальневосточная инсулярность – это особая концептуальная категория, находящая свое выражение в мифологических и поэтических картинах. Амбивалентность инсулярности как места разграничения и схождения, пограничность инсулярности как места взаимодействия стихий и культур и особое образное и ценностное наполнение термина (как аксиологически положительное, так и отрицательное) вербализовано в мифологиях проживающих на Дальнем Востоке народностей и художественном творчестве. Яркими примерами произведений могут послужить книги «Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Легенды Ых-мифа» В. М. Санги, в которых остров используется как центральный образ, как место развертывания повествования.

Заключение

Таким образом, проанализировав исследовательский материал, можно сформулировать следующие выводы:

1 . Понятия «фронт» и «дальневосточный фронт» являются комплексными и многоаспектными понятиями, включающими различное наполнение.

2. Острова сыграли существенную роль в освоении дальневосточного фронта, став местом схождения различных культур, социальных и политических образований. Остров Сахалин представляет собой уникальный географический объект, фронтальный инсулярный центр, что проявляется как диахронически (история освоения), так и

синхронически (культурное многообразие, наличие наименований острова в разных этнических и национальных картинах мира).

3. Дальневосточный фронтير включает в свое концептуальное содержание различные признаки, среди которых выделяются мультикультурализм и многоязычие, подвижность границ, наличие множественности номинаций, особое чувство идентичности.

4. Дальневосточная инсулярность понимается как сложная концептуальная категория, в которой находят выражение географические, культурные, социальные и политические стороны.

Проведенное исследование позволяет заключить, что инсулярность является неотъемлемой характеристикой дальневосточного фронтiera, его концептуальным основанием.

Перспектива исследования состоит в более углубленном изучении каждой из сторон дальневосточной инсулярности и детальном описании ее структуры и содержания.

Библиография

1. Митин И. И. Введение. О проекте // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И. И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 7-10.
2. Замятин Д. Н. Вообразить Россию. Географические образы и пространственная идентичность в Северной Евразии // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И. И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 13-23.
3. Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
4. Синельникова Л. Н. Концептуальная среда фронтирного дискурса в гуманитарных науках // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 2. С. 467-492.
5. Басалаева И. П. Критерии фронтiera: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46-49.
6. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронтiera: культура и литература русского Харбина: Монография. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 437 с.
7. Иванова Л. М. Концепция дальневосточного фронтiera в современной российской историографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск: Апельсин; Институт истории СО РАН, 2016. 276 с.
8. Александрова-Осокина О. Н. Образ "дальневосточного фронтiera" в лирике П. С. Комарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 10. С. 3622-3627.
9. Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 1958. 120 с.
10. История Дальнего Востока в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / Под ред. А. И. Крушанова. М.: Наука, 1990. 471 с.
11. Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Сочинения по истории России. Избранное / Г. Ф. Миллер. М.: Наука, 1996. С. 19-126.
12. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: Учеб. пос. для студ. высш. учеб. завед. / М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Ищенко / Отв. ред. М. С. Высоков. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008. 712 с.
13. Лаперуз Ж. Ф. Путешествие по всему миру на "Буссоли" и "Астролябии". М.: Эксмо, 2014. 448 с.

14. Morris-Suzuki T. On the Frontiers of History: Rethinking East Asian Borders. Canberra: ANU Press, 2020. 236 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv1bvnd85> (дата обращения: 25.04.2025).
15. Луговской А. В., Пестушко Ю. С., Савелова Е. В. Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 49-62. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию дальневосточной инсулярности в свете теории фронта. Актуальность работы аргументируется необходимостью изучить лингвокогнитивные и лингвокультурные основания дальневосточной инсулярности в свете теории фронта: «изучение дальневосточного фронта как особого типа географического, политического и культурного формирования может представлять особый интерес для гуманитарной науки, так как данная территория, находящаяся на российском пограничье и являющаяся центром взаимодействия различных этносов, культур и дискурсивных практик, с давних времен привлекала исследователей различных областей».

Теоретической основой исследования выступили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные концепции фронта и дальневосточного фронта; концептуальной среде фронтирного дискурса в гуманитарных науках; географическим образам и пространственной идентичности в Северной Евразии; инсулярности как ядру этнокультурной идентичности и др. Библиография статьи составила 15 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и историко-генетический методы, метод сплошной выборки, концептуальный и интерпретативный анализы.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: рассмотрены понятия «фронт» и «дальневосточный фронт»; изучена специфика развития островных территорий Дальнего Востока России; определены основные признаки «дальневосточной фронтирности»; описано содержание понятия «инсулярность» в многоаспектности его трактовок. Особый интерес представляет анализ вербализации инсулярности в книге Т. Моррис-Сузуки «On the Frontiers of History: Rethinking East Asian Borders», в рамках которого выделены признаки дальневосточной фронтирности, вербализованные в тексте, которые свидетельствуют о многозначности трактовки данного термина, а также о том, что инсулярность занимает не периферийное, а центральное место в понятийном содержании концепта «дальневосточный фронт». Результаты исследования позволили автору(ам) сделать ряд обоснованных выводов: «понятия «фронт» и «дальневосточный фронт» являются комплексными и многоаспектными понятиями, включающими различное наполнение»; «острова сыграли существенную роль в освоении дальневосточного фронта, став местом схождения различных культур, социальных и политических образований»; «дальневосточная инсулярность понимается

как сложная концептуальная категория, в которой находят выражение географические, культурные, социальные и политические стороны» и т. д.

Таким образом, автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие теории фронта и инсularity как сложной концептуальной категории, определяющей структурно-содержательные характеристики дальневосточного фронта. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике. Определена перспектива исследования, которая состоит в более углубленном изучении каждой из сторон дальневосточной инсularity и детальном описании ее структуры и содержания.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».